

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Графиня. Уроки горничных

Глаша с Марфушей жили в небольшой комнатке, примыкавшей к гостиной перед спальней Ольги Викторовны. Из спальни в комнату был проведен колокольчик, чтобы графиня в любой момент могла вызвать прислугу, если ей что-то было нужно. Поэтому ночами Глаша и Марфуша дежурили по очереди, зная, что, если Ольга Викторовна вызывает, ждать нельзя ни секунды. Еще в самом начале службы у нее, Глаша тайком ушла на свидание, а оставшаяся одна Марфуша спустилась на кухню налить воды. И конечно же именно в этот момент зазвонил колокольчик. На следующий день графиня лично порола обеих девушек. Кнутом, как выяснилось, она владела виртуозно и порку ту обе запомнили раз и на всю жизнь.

Горничных Ольга Викторовна совершенно не стеснялась, и они волей-неволей были в курсе всех ее развлечений и пристрастий. И если поначалу обе пугались того, что происходило в спальне графини, то через какое-то время горничные привыкли и стали даже находить удовольствие в том, что графиня делала со своим крепостными мужского пола. Причем постепенно обе девушки переняли от Ольги Викторовны презрительное отношение к мужскому полу в целом. Серега был далеко не первым объектом для удовольствий, и когда графиня передала его в руки девушек, она прекрасно понимала, что Глаша и Марфуша справятся со своей задачей и она получит очередную хорошо воспитанную и приспособленную именно для нее игрушку, которой можно забавляться, пока не надоест. А надоел очередной крепостной для забав Ольге Викторовне в тот самый момент, когда она переставала видеть в его глазах что-либо кроме собачьей преданности и стремления угадывать ее желания.

Этот путь так или иначе проходили все, кто побывал в ее руках и возбуждал графиню сам процесс превращения мыслящего существа (а за людей крепостных она никогда не считала) в безропотное животное, обеспечивающее ее удовольствие. Как только грань достигалась, крепостной высылался в подмосковное поместье, где ему выделялась земля и лес для постройки дома. Обзаводиться семьей таким строго запрещалось и сейчас в поместье жило бобылями двенадцать молчаливых мужиков с абсолютно пустыми глазами. Оживлялись они только в те дни, когда в поместье появлялась графиня, чтобы проверить как там идут дела, а заодно и развлечься по старой памяти со своими жертвами.

Кухарка, которая была родом из деревни рядом с поместьем, рассказывала Ираиде, что позапрошлым летом, выезд графини состоял из шести голых мужчин, запряженных в ее коляску. И по поместью она передвигалась только в таком виде. Причем роль кучера графиня исполняла сама, не доверяя никому. Прекратила она эту забаву, только когда подкатив к своему дому обнаружила, что с визитом приехала ее соседка, крайне набожная дама, которая от вида графини, управляющей своей упряжкой сразу свалилась в обморок. Ольга Викторовна потом весь вечер отпаивала гостью наливками и к концу вечера та поверила, что эта картина привиделась ей из-за страшной жары, стоящей в то лето.

Из спальни графини горничные и Серега вышли в приемную и Марфуша, открыла одну из створок, ведущих к ним.

— Заходи, — кивнула она Сереге и тот боязливо оглядываясь и невольно прикрывая руками свою наготу переступил через порог. Комната была с большим окном, по стене стояли две кровати с небольшими тумбочками рядом с ними. У окна стоял столик для рукоделия, со

стулом у него, а к задней спинке каждой из кроватей был придвинут небольшой шкаф, в котором хранились скромные наряды девушек. На стене над кроватями, там, где по идее должны были находиться ноги, в стену было вручено несколько железных колец. Назначение их Сереге уже было понятно, и он невольно поежился. Серегину одежду Марфуша небрежно бросила под свою кровать, и он не осмелился ее взять.

В комнату Глаша зашла последней и аккуратно прикрыла за собой дверь.

— Не вздумай кричать — сказала она Сереге негромко — Барыня не любит, кода ей мешают. Если будешь делать все, что скажем, то больно будем делать редко. Но тебе все равно надо привыкать, она любит помучить тех, кого приводят ей в спальню. Тут ты никуда не денешься.

— С чего начнем — спросила она деловито, уже обращаясь к Марфуше. Та немного задумалась. И потом ответила: «Сначала проверим как лижет, а потом уже все остальное».

Глаша согласно кивнула в ответ и задрав юбку села на кровать раздвинув длинные ноги.

— Давай, деревенщина, начинай — сейчас ее приказной тон очень напоминал голос графини. Серега опустился на колени и в этот момент Марфушина рука взяла его за волосы и не церемонясь воткнула его лицо в розовую влажную плоть между Глашиных ног. Он старательно заработал языком, ощущая, как поднимается его небольшой член. Заметив это, Марфуша отпустила волосы и протянув руку между его ног, взяла Серегу за яйца, неторопливо начав их сжимать.

— У тебя ничего не должно стоять. Стоять должно у ебарей, а ты просто лизун. Серега продолжал лизать, а его член под Глашиным воздействием стал опускаться. Но руки та не убирала и контролировала происходящее. Глаша между тем прижимала голову Сереги к себе все сильнее и начала учащенно дышать. Он сообразил, что той хочется вскрикнуть, но она сдерживается, чтобы не разбудить криком графиню. Она так и кончила, не издав ни звука, и сразу же оттолкнула Серегину голову, чтобы тот не трогал ее языком, прикосновения которого, после того как она кончила, стали болезненными. Тут же он ощутил, что рука Марфуши разжалась и та шепотом ему приказала развернуться, как только он это сделал, его снова притянули между ног, но уже Марфушиных. Та не стала садиться и заставила Серегу ее лизать, приподняв подол платья и поставив одну ногу на кровать. Кончила она так же, как и Глаша не издав ни звука и тоже очень быстро. Видимо происходившее в спальне у графини завело обеих девушек.

Кончив, Марфуша села на кровать, откинувшись назад и некоторое время тяжело дышала. Серега же растерянно сидел на коврикe между кроватями и не понимал, что ему нужно делать дальше. А горничные, немного придя в себя, негромкими голосами обменивались мнением насчет Серегиного умения работать языком. Обе согласились с тем, что делает он это неплохо, но ему есть чему поучиться, после чего два часа они втолковывали ему нюансы, объясняя, что он должен делать, а потом сразу же принимая зачет. Надо сказать, что Серега прекрасно помнил то, что говорила ему Глаша по поводу боли и поэтому старался. Тем более, что неожиданно для себя он понял, что процесс доставляет ему удовольствие и возбуждает. Но с периодически возникавшей эрекцией девушки беспощадно боролись, воздействуя на Серегины яйца.

После окончания уроков обе девицы по очереди помочились в услужливо подставленный Серегин рот и разрешили ему взять одежду, чтобы можно было накрыться ей на ночь. Марфуша разделась и легла в кровать, я Глаша, которая сегодня ночью была дежурной села на стул и устроившись поудобнее, вытянулась на нем насколько это возможно и тоже закрыла

глаза. Проснулись все трое от звука колокольчика и Глаша сразу же метнулась в спальню графини, а через пять минут, торопливо одевшись и причесавшись, туда отправилась и Марфуша. Вернулись они через полчаса, причем, на Глашиной щеке явственно виднелся отпечаток пятерни. Видимо та оказалась не слишком расторопной, а Ольга Викторовна имела хоть и маленькую, но достаточно тяжелую руку, что Серега уже ощутил на себе.

Марфуша, вернувшись, разрешила ему одеться и сходить оправиться, умыться и позавтракать. На кухне дворник и истопник сочувственно посмотрели на Серегу, но ничего ему не сказали. Кухарка же шепталась с экономкой и обе периодически поглядывали на него быстрыми скользящими взглядами.

Позавтракав, Серега вернулся в комнату горничных и обнаружил там только Глашу, которая дремала, сидя на стуле. Когда в комнату зашел Серега, она испуганно открыла глаза и вскочила. Но обнаружив, что это он, подошла и сразу же отвесила пощечину. «Стучаться надо, когда заходишь, понял?», Серега торопливо кивнул. Глаша снова села на стул, зевнула и приказала ему раздеться. Пока тот раздевался она открыла ящичек стола и достала оттуда несколько предметов. Когда Серега разделся, она приказала ему открыть рот, а когда тот выполнил приказ, впихнула в него кляп из кожи, набитой чем-то типа конского ворса, а два ремешка сбоку от кляпа застегнула у Сереги на затылке. Кожа на кляпе была толстой, застегнут он был крепко и даже попытка мычать оказалась почти безуспешной. Глаша, заметив эту попытку удовлетворено кивнула головой и приказала Сереге раздвинуть ноги. Когда он выполнил приказ, она привычным движением захлестнула на правой кожаную петлю и зафиксировала другой конец в кольце под одной из кроватей. Потом ту же процедуру провела с левой ногой и руками. В итоге Серега стоял посередине комнаты, голый, растянутый так, что не мог пошевелиться и с кляпом во рту.

Глаша еще раз проверила крепкость привязи и села на стул перед Серегой.

— Лижешь ты неплохо, но я уже говорила, что барыня мучить любит, и чтобы ты был готов, я покажу как. Не бойся, она еще никого не покалечила ни разу, так что тебе просто будет больно. Когда она встала, в ее руке был небольшой стек, которым погоняют лошадей. Им Глаша сначала провела по груди Сереги, потом по ногам. Она не торопилась и предпочитала именно эту часть забав графини, в отличие от Марфуши, предпочитавшей ту часть представления, где жертва работала языком.

— На самом деле она сама тебя всему научит. А нам отдала, чтобы мы тебе правила объяснили. И первое из правил — не болтай. Она барыня и делает с тобой все, что хочет. А вот рассказывать про это не надо. Иначе может плохо кончиться. Глаша подвела конец стека к яйцам Сереги и легонько хлопнула по ним снизу. Серега вздрогнул, но скорее не от боли, а от неожиданности. Второй удар был сильнее и чувствительнее, а третий Глаша нанесла почти в полную силу. Сереге захотелось скорчиться, прижав ноги к животу, но веревки не давали этого сделать. Глаша тем временем удовлетворено кивнула и отошла. В глазах ее разгорался опасный огонек.

— Ты понял, что не надо болтать? — спросила она, уткнув стек в его подбородок. Серега быстро закивал головой, опасаясь получить очередную порцию боли.

— Хорошо. Второе правило — не сопротивляйся. Барыня строптивых не любит. Боль можешь перетерпеть, а если увидит, что ты не поддаешься ей, она сразу звереет и тогда кнут и конюшня. Глаша, вспомнив свою экзекуцию, поежилась. Все равно будет по ее, но тебе будет очень больно. Понял? — Серега опять закивал головой. А Глаша, зайдя сзади, нанесла стеклом

несколько сильных и резких ударов по ягодицам. Серега застонал, но Глаша не останавливалась.

— Терпи, лучше так, чем кнутом — голос ее был возбужден, а удары становились все сильнее и попадали уже не только по ягодицам. Сереге хотелось выть от боли, но кляп мешал это сделать, поэтому он мог только трясти головой. Из глаз его непроизвольно полились слезы.

— Ну хватит! Хватит я сказала! — раздался голос незаметно вошедшей в комнату Ольги Викторовны. Удары сразу прекратились, но слезы из глаз Сереги литься не прекратили.

— Отвяжи его — приказала графиня Глаше. Та поторопилась исполнить приказ. За дверью молча стояла, наблюдая за происходящим, вернувшаяся вместе с графиней из города Марфуша. В ее руках было несколько коробок.

Как только Глаша отвязала Серегу, тот рухнул на колени и испытывая неподдельное чувство благодарности, подполз к ногам графини и поцеловал ее туфельки.

— Спасибо, спасибо, Ваша светлость — шептал он между поцелуями, а слезы, но уже слезы благодарности за то, что его прекратили мучать, продолжали литься из его глаз.

Ольга Викторовна же удовлетворенно смотрела на ползающего у ее ног голого мускулистого мужика.

— Думаю, остальным я все-таки займусь сама. Приведете его ко мне вечером. Кляп наденьте сразу. — распорядившись, графиня вышла из комнаты и Марфуша с коробками последовала за ней.